

© 2001г. В.Д. ДЕВКИН

О НЕРОДИВШИХСЯ НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ СЛОВАРЯХ

Во всем есть свои шаблоны и штампы. В словарном деле наметились свои традиции определения жанров. Их ассортимент довольно стабилен и держится в языкознании довольно стойко. Между тем резервы расширения типов словарей далеко не исчерпаны: ср. [Wörterbücher 1989–1991; Ripfel 1989; Wiegand 1998]. Только о них не принято говорить. Насколько можно судить по довольно обширной лексикографической литературе, посвященной будущности словарей, обычно затрагивается проблема совершенствования техники их составления, а не их типы. Ср., например: *Lexikographie von heute und das Wörterbuch von morgen* (Berlin, 1983). В очень обстоятельной и богатой материалом работе известного немецкого словарника Вольфганга Мюллера, названной "Словари будущего или *Terrae incognitae*" (1998), поднимается вопрос о пяти типах неосуществленных словарей: 1) продуктивных словообразовательных элементов, 2) "ложных друзей", 3) зависимых предложных конструкций, 4) неологизмов, 5) лексикологии секса.

В данной же статье предпринимается попытка обратить внимание на многие еще не созданные словари русского и немецкого языков. При этом иногда наблюдается положение, когда тот или иной словарь для одного языка есть, а для другого нет. Вполне понятно, что здесь богатое поле деятельности, и о мало-мальски исчерпывающем охвате материала не может быть речи. Однако поделить некоторые соображения на этот счет представляется нелишним, поскольку они могли бы послужить некоторым импульсом расширения профилей словарей.

В лексикологии существуют два подхода к номинациям: семасиологический (от слова к референту) и ономасиологический (от референта к слову). Словари строятся на одном из этих принципов. Ономасиологический (понятийный) практикуется значительно реже. Несмотря на наличие словарей таких авторов, как Ф. Дорнзайфф; Х. Верле/Х. Эггерс; П. Роже; В.В. Морковкин; Н.Ю. Шведова (в 6 томах), ономасиологическая трактовка в лексикографии представлена недостаточно, особенно для детальной презентации отдельных полей и тематических групп. Для этого направления открываются широкие перспективы, прежде всего для отдельных сторон повседневной коммуникации и обиходного языка.

Общим недостатком ономасиологических словарей является их удаленность от сферы общения, от речевого применения зарегистрированных слов. Напрашивается пожелание в адрес ономасиологических словарей, чтобы они были подальше от номенклатурной инвентаризации и поближе к коммуникативной оправданности преподносимого материала.

Многие диссертации подходят вплотную к тому, чтобы продолжить работу и подать практические результаты в виде словаря, но этого не реализуют. Причин здесь несколько (между прочим недостаток времени при обязательности завершения диссертации в аспирантский срок). Не в последнюю очередь сказывается и то, что словарное приложение к диссертации обнажает ее недочеты и слабые стороны. Ценность работы (особенно практическая) при этом страдает.

Лексикографирование единиц крупнее слова связано с дополнительными осложнениями. Если для фразеологизмов, пословиц, крылатых выражений, примет и т.п. все

же разработана методика их подачи в словарях и для них созданы особые лексиконы, то такие явления, как коммуникативные **КЛИШЕ**, команды (военные, спортивные, "детские", альпинистские, "хирургические" и прочие профессиональные) в словарях представлены совершенно недостаточно. Одна сторона проблемы – это постараться подобные стереотипы общения включить в общие словари, а другая – создать особые специализированные одно- и двуязычные справочники речевых формул. Существующие разговорники обычно слишком элементарны, неполны и примитивны, так что поставленную задачу они выполняют только в очень ограниченной мере.

Нет словарей **ИДИОМАТИЧНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ**.

Разве не нужны следующие типы словарей:

Словари **ОБРАЩЕНИЙ**, особенно их лексического наполнения в немецком и русском языках в официальных условиях и обиходно-разговорной среде, с применением званий и титулов и без них, с учетом возможности и невозможности анонимного обращения (ср. допустимые в русском языке: *Девочка, где здесь булочная?*; *Мальчик, как пройти к метро?* и невозможные аналогичные употребления *Mädchen* и *Junge* – в немецком, где адресованность речи воплощается иначе), с использованием эмоциональной окраски (*родненький, лапочка*) и без нее, с применением особых морфологических форм, не исключая словообразовательных преобразований имен собственных и привлечения прозвищ, с принятием во внимание модификации синтаксической позиции в высказывании (начальной и вводной), лексической безэквивалентности стереотипов сравниваемых языков: *отец, папаша, брат, старина*, с одной стороны, и *Meister, Schwester Monika* (медсестра), *Frau Major* (супруга майора – устар.), *Schatz*, с другой; переход обращений в междометия: *Mensch; Mann; Junge, Junge*.

Несмотря на наличие ряда учебных пособий (например, Н.И. Формановской), нет словарей **ЭТИКЕТНЫХ ФРАЗ**, стереотипных для самых различных жизненных ситуаций.

Отсутствуют словари **ХОНОРАТИВОВ** (выражений вежливости) и **ГУМИЛАТИВОВ** (выражений хамства), а также связанных с этическим аспектом выражений лести, антипатии, самоподачи, оценки адресата и т.п.

Крайне необходимы особенно для практического изучения иностранного языка словари **МЕТАКОММУНИКАТИВНЫХ** выражений, которые, за пределами самого предмета (содержания) разговора, касаются "техники" ведения беседы: способа выражения мыслей, формы изложения, отношения собеседника к избираемому оформлению речи, т.е. внешних моментов участия в общении, "обслуживания" бесперебойности и надежности "канала связи". Метакоммуникативные высказывания следят за понятностью, нормативностью, соблюдением выдерживания необходимых параметров речи (тема, громкость, четкость артикуляции, ясность изложения), регулируют ведение диалога и управление им: захват инициативы и ее отстаивание, ввод и подготовка собственных слов, прерывание, контроль внимания и понимания, исправление ошибок и оценка избранных средств выражения, замечания по поводу настроения, физического и психического состояния собеседника и его речевых умений и способностей, а также уместности темы, сосредоточенности на ней и учета условий протекания разговора.

Очень важны словари **ФАТИЧЕСКИХ** выражений (служащих установлению, поддержанию и прекращению речевых контактов). Какие словари учитывают такие выражения, как *"Знаешь что, давай мы лучше пойдем вот этой дорогой"*. // *"Пойми ты, твое предложение не пройдет"*. // *"Подумать только! Он своего добился!"* // *"Учти, больше я об этом говорить не буду"* и т.д. Лексикографирование этих клише должно состояться.

Нет словарей речевых **СТИМУЛОВ** и **РЕАКЦИЙ**, поддакиваний, согласий, возражений, опровержений, отрицаний, аргументаций.

Интересны для прагмалингвистики, но очень сложны для составления словари **МАНИПУЛЯТИВНЫХ** речевых техник, типовых конструкций осуществления разных

типов обмана, введения в заблуждение, моделей лицемерных, ханжеских высказываний и т.п. Словари многих других разновидностей коммуникативных стереотипов перечислить здесь в полном объеме не представляется возможным.

Высказанные здесь предложения безусловно во многом дискуссионны, предварительны, требуют критического анализа и доработки, но несмотря ни на что, они все же заслуживают внимания. В этой связи приходится сталкиваться с положением заколдованного круга. Лексикографированию того или иного явления должно предшествовать его теоретическое осмысление, учет системных связей, обоснование практической целесообразности затеи. Против этого нечего возразить. Начинать с теории утопично и едва ли выполнимо – ведь она выводится из материала, которого пока нет. Не является ли более приемлемым компромиссное решение начать сбор материала после предварительного представления о сути избранного явления, пусть при этом будут неясности (относится ли выделенный пример к описываемому типу или нет), затем, когда корпус отобранного будет уже иметь достаточный объем, вернуться к уточнению принципов определения искомого понятия и на следующем этапе по выделенным критериям упорядочить как словник, так и толкования. Опасение перед таким перескакиванием и забеганием вперед привело к тому, что многие важные лексические пласты остались неизученными.

Итак, какие же словари еще не родились? Нет словарей отдельных **ЧАСТЕЙ РЕЧИ**, хотя в этом направлении шли Э. Матер [Mater 1966–1972]; Г. Хельбиг, В. Шенкель [Helbig, Schenkel 1973]; К.Э. Зоммерфельдт, Х. Шрайбер [Sommerfeldt, Schreiber 1974; 1977]. Соотношение частей речи в сравниваемых языках может быть различным. Особенно важны двуязычные словари частей речи. Немецкий язык "субстантивнее" русского, но беднее прилагательными. То, что в русском языке выражается модальными наречиями и частицами, в немецком языке падает на глаголы. Отразить эти и подобные строевые закономерности, не обращаясь к словарю, можно только очень поверхностно. Установление границ наречий, предикативов, категории состояния, модальных слов, частиц за пределами лексикографирования без полноты количественного представительства этих классов слов не может быть уточнено. Немецкие краткие прилагательные и наречия находятся в состоянии сложного взаимодействия. Ср.: *mach's gut!*; *jd ist gut dran*; *das kann ja gut werden*; *Wir treffen uns um sechs Uhr. – Gut*.

Сложность идентификации частеречной принадлежности неизменяемых слов, наряду с другими причинами, тормозит их лексикографирование. Заимствование *fit* считают прилагательным, хотя оно с флексиями не встречается (не считая разве исключений: *seine Oma war fitter als wir dachten*). Правомерно ли *live* (*eine Sendung live übertragen*; *jn live auf der Bühne erleben*) считать прилагательным, как это сделано в Универсальном Дудене (1996), когда его обстоятельство очевидно? Это один из примеров (к сожалению, очень многочисленных) заколдованного круга взаимозависимости теории и конкретного материала.

Пропорция частей речи изменяется в зависимости от сферы применения языка: в научном стиле больше существительных, в разговорном их процент сильно снижается, там функционирование глаголов приобретает большую частотность и своеобразие. Пока в этом направлении словари своей задачи не решили.

СИНСЕМАТИЧЕСКИЕ части речи представлены в особых, предназначенных для каждой из них словарях еще реже. Нет комплексных словарей местоимений, дейктических, служебных, полуслужебных незначительных слов, хотя есть словари [Шведова 1999; Сл. структ. слов 1997; Vasilyeva 1972; Grimm 1987; Helbig G. 1988; Helbig G., Helbig A. 1990; Buscha 1989; Schröder 1986] и близкие к ним словари, частично уже решившие эту задачу.

Нет словаря **СЧЕТНО-КОЛИЧЕСТВЕННЫХ** слов.

Нет словарей **МЕЖДОМЕТИЙ, СТЕРЕОТИПНЫХ ВОСКЛИЦАНИЙ (ЭКСКЛАМАТИВОВ), ЗВУКОПОДРАЖАНИЙ** (ср. [Копорская 1995]).

Лексическая семантика так сложна и разнообразна, что отражение ее в словарях продолжает оставаться вечной темой. Следует упомянуть деизидераты А) онома-сиологического/идеографического и Б) семасиологического направления.

А) Из ономасиологии.

Нет словаря **ПРОСТРАНСТВЕННЫХ** и **ВРЕМЕННЫХ** номинаций.

Нет словаря лексики **ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ** отношений.

Нет идеографического словаря **МИР РЕБЕНКА** с кругом понятий, актуальных для детского возраста, с так называемыми "детскими" словами, с коммуникативными клише общения с ребенком (обращенные к нему речевые стимулы – команды, предостережения, советы, порицания – и реакции-ответы на них со стороны ребенка).

Недостающих словарей идеографического профиля множество.

Бедой многих исторических словарей оказывается то, что они скорее фиксируют отдельные диахронические срезы (ср. Ф. Клуге), чем прослеживают становление современной семантики лексической единицы. Еще жив академический взгляд в прошлое, оберегающий от невзгод всего сегодняшнего, уводящий от необходимости осмыслить современное состояние лексики.

Конфликт денотативного и этимологического значения, дезориентирующая внутренняя форма должны были бы вызвать к жизни пособия лексикографического направления и дидактически (в основном для изучения языка как родного, так и иностранного) оправданные.

У нас нет словарей **ЭТИМОЛОГО-ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИХ**, связанных с особым ключевым понятием, например: *лошадь*: *слав.* конь, конница, *тюрк.* лошадь, *франц.* шевалье, шваль, *греч.* ипподром, гиппология, гиппопотам, *итал.* кавалер, кавалерия или *земля*: *русск.* (индо-евр.) со значениями планета, суша, поверхность, почва, материал, страна, участок пользования и др.: *лат.* terra incognita, террариум, терренкур, терьер, терраса, теллур (химический элемент), гумус, homo (человек, т.е. "вышедший из земли – *библ.* образ), гомункул, гуманизм, гуманный, гуманитарный, *греч.* апогей, перигей, география, геометрия, геология, Георгий, автохтон (местный, связанный с землей), *нем./англ.* ландшафт, Голландия, Исландия, компьютерленд, ландскнехт, ландтаг, лендлер (танец), *слав.* змея (ползущая по земле) (см. [Гак 1998]). Если словари исторических гнезд слов одного языка (*ziehen, Zug, Zögling, Herzog, Zügel*) более обычны, то "интернациональные" встречаются реже (см. [Маковский 1996]).

Словарь-справочник "Занимательная этимология" обязательно нашел бы своего читателя с курьезами конфликта этимологического и денотативного значения, с паронимическими заменами подлинной этимологии словами, восходящими к сексуальным понятиям (*wie geht's, wie steht's?*; *ich stehe auf diesen Zahn, auf den neuen Schlager*; *настроение* у нее (!) поднимается; *удовольствие, загнуть, зажимать, попухнуть, мандраж, бардак* (беспорядок), *бардачок* в автомобиле, *дрочена* (вид яичницы), знать кого-л. как *облупленного* и т.п.). Популярные этимологические словарики находят себе место в репертуаре развлекательных справочников (см. [Küpper 1987; Friedrichs 1989; Lodige 1998; Stiberc 1999; Волина 1996] и др.). Разве не нужны были бы словари, отражающие конфликт этимологического и денотативного значения: *скрипка* не скрипит, *водка* не вода, *синильная кислота* не синяя, *белка* не белая, *полковник* командует не только полком и т.п.?

Язык изменяется с разной скоростью. Она обычно увеличивается в эпоху социальных преобразований. Наше время характеризуется ускорением развития лексики. Каждый день, раскрывая газету, мы оказываемся озадаченными новыми словами, некоторые из которых даже трудно расшифровать. Косная, ленивая лингвистика не поспевает фиксировать и интерпретировать новое. Словарь как особая форма описания языка (и прежде всего, наглядная, доказательная) недооценивается.

Необходим двуязычный: немецко-русский и русско-немецкий словарь словесного

обозначения **КИНЕМ** (см. [Акишина и др. 1991; Schwarz, Schweppe 1998]). Нет немецко-русского и русско-немецкого словаря названий **ПИЩИ** и **ТРАПЕЗ** под углом зрения их влияния на обиходный язык (см. [Воробьев 1994]).

В немецком языкознании есть направление, занимающееся проблемой "Institutionelles Sprechen" (общение в таких условиях, когда клишированность высказываний ощущается особенно сильно: в ресторане, у врача, у билетной кассы, на экзамене, в сбербанке и т.п. – ср. [Koerfer 1994]). Словарная обработка типовых высказываний в стереотипных жизненных ситуациях интересна своей лингвострановедческой идиоматичностью и имеет практическое значение для изучения иностранного языка.

Аксиологический аспект языка лексикографически представлен недостаточно. Нет словарей лексических единиц с положительной, а также средней оценкой (посредственной) и с отрицательной (правда, много словарей бранной лексики).

Нет словаря номинации социальных **РОЛЕЙ** (правительство – народ, начальник – подчиненный, врач – пациент, актер – зритель, продавец – покупатель, родители – дети и т.п.) и слов и выражений, типичных для каждой роли с учетом главенствующего и подчиненного положения и отношения "равноправия" внутри определенной среды (членов семьи, сверстников, учеников, студентов, коллег, солдат, участников одной компании, уголовников). Тип зависимости, как и солидарности, может быть постоянным и временным (ситуативным). Симметричность и ее нарушение в рамках социолингвистики – богатое поле деятельности для лексикографов. В традиционной лексической парадигматике этим типам отношений не уделяется внимания.

Сложнейший вопрос сопутствующих содержательных характеристик лексических единиц едва ли будет решен без сведения их воедино в рамках словаря прагматических оценок и **"УСТАНОВОК"**: идеологических, материалистических, идеалистических, религиозных, большевистских, фашистских, расистских, антисемитских, популистских, завышающих и занижающих оценку, оптимистических и пессимистических и т.п. Ведь до сих пор такие противопоставления как *international – volksfeindlich*, *Bürgerrechtler – Unruhestifter*, *Arbeitswilliger – Streikbrecher*, война освободительная и война *захватническая*, шпион – *разведчик*, мятежник – *борец за свободу*, отъявленный хулиган – *подвижный* ребенок, опаздывать – *задерживаться*, кинуться в разврат – *оступиться* и мн. др. остаются во всей их противоречивой природе не описанными ни в лексикологии, ни в лексикографии.

В советское время многие слова были заменены другими (не всегда новыми), однако социолингвистически иначе окрашенными, ср. жалование – *зарплата*, прислуга – *домработница*, господа! – *товарищи!*, служба – *работа* или отдавалось предпочтение молодым поколением других номинаций тем, которые были более привычны старшим, ср. ничего – *нормально*, не могли бы Вы сказать? – *не подскажете?*, уборная – *туалет*, (кино)картина – *фильм*. Нет словаря, который бы учитывал подобные обновления лексики (ср. словарь советизмов [Мокиенко, Никитина 1998]).

Если уже "феминистский аспект" (учет "женских" параллелей разных номинаций) имеет под собой какую-то почву, то это следовало бы отразить в специально посвященном этому словаре (ср. [Tannen 1994–1996]).

Нет словарей с выражениями **НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ**, неточности, приблизительности, референтной расплывчатости (нечеткости границ), преуменьшения, сбавленности и смягчения признака, так называемых мейозисов, и скрытой, завуалированной оценки (ср. семантику *Meuterer*, *Freiheitskämpfer*, *мятежники*, *гверильясы*, *боевики*, *повстанцы*).

Б) Из нерожденных **семантических** словарей для примера можно обратить внимание на следующие. Поскольку **МЕТАФОРА** и **МЕТОНИМИЯ** являются основными средствами создания переносных и производных значений слов и представляют собой очень многочисленный, разнообразный и мобильный фонд, их лексикографирование еще долгое время будет продолжать оставаться одной из центральных задач словарной

практики, несмотря на уже достигнутое в этом направлении (ср. [Баранов, Караулов 1991; Киселева 1997; Зубарев 1978; Brugger 1993]). Хотя словарей **СЛОВОСОЧЕТАНИЙ** довольно много, работы в этом жанре больше, чем можно было ожидать, как по составлению двуязычных, так и одноязычных словарей (ср. [Александров и др. 1966; Братусь и др. 1979; Учебн. словарь сочет. слов русск. яз. 1978; Agricola 1992; Дуден 2; Helbig, Schenkel 1973; Sommerfeldt, Schreiber 1974; Sommerfeldt, Schreiber 1977]). Нет, например, словарей словосочетаний **ШКОЛЬНОГО** и **УНИВЕРСИТЕТСКОГО** обихода, словоупотреблений разных тематических групп в рамках этого идеографического поля.

Нет словарей словосочетаний отдельных классов слов (наречий, числительных) с учетом русско-немецких и немецко-русских параллелей и мн. др.

В двуязычной лексикографии большой практический интерес для изучения иностранного языка представляют приемы передачи безэквивалентной лексики. Это прослеживается на материале самых различных пластов словаря. Немалые трудности возникают в лингвострановедческой тематике, когда обнаруживаются уникальные реалии, не имеющие прямого соответствия в сравниваемом языке. Особенно это касается бюрократизмов, которые, естественно, можно передать только приблизительно, описательно. Незнание соответствующих иноязычных параллелей затрудняет общение. Как подойти к решению этого сложного вопроса? Представляется целесообразным составить тематические словари примерных приемлемых соответствий.

Казалось бы такое в принципе интернациональное явление, как диссертация, по содержанию в определенной области знаний для разных стран имеет много общего. Что же касается связанных с ней организационных вопросов ее подготовки, представления, защиты и утверждения, то они так специфичны, что о лексическом параллелизме не может быть речи. Например, у немцев и русских понятия *допуск к защите*, *вступительное слово*, *оппонент*, *кандидатские* и *вступительные экзамены*, *конкурс* при поступлении, *ученый совет*, *процедура защиты*, *оценка* и *утверждение диссертации* и некоторые другие настолько национально специфичны, что из-за обилия "ложных друзей переводчика" общение крайне осложнено и требует постоянных перифраз и комментариев. Для лексикографирования данная тематика представляет высшую степень трудности. Но она в конце концов должна быть преодолена, как бы словарники ее ни избегали. Приемы замен требуют для каждого случая конкретизации правил установления параллелизма, тем не менее теоретическая работа в этом направлении необходима. После приведения этого конкретного примера продолжим перечисление неосуществившихся словарей.

Нет словарей упорядоченной парадигматики **ПОЛИСЕМИИ**, напоминающих Толково-комбинаторный словарь русского языка И.А. Мельчука, А.К. Жолковского и др. (Вена, 1984).

Нет словарей **МУЛЬТИСЕМИЧНЫХ** (с очень большим количеством семем) слов. Они требуют особой методики. Известно, как полифункциональные слова "тонут" в общем словаре и доставляют много хлопот желающему разобраться в их многочисленных коллокациях. Интересен был бы и словарь **ОДНОЗНАЧНЫХ** слов, своеобразных "холостячков", сторонящихся лексических контактов.

Нет словарей **ЭНАНТИОСЕМИИ** ни для слов, ни для морфем. А между тем, это существенная сторона семантики. Ср.: двери *открываются* автоматически (но тем же образом они и закрываются); *вход* – он же и выход. Морфема *zusammen* в глаголе *zusammenbrechen* связана с концептом разрушения, а в *zusammenflicken* – созидания, восстановления; *просмотреть* – не заметить и бегло проглядеть все; *залечить* – вылечить и загнать болезнь внутрь.

Исключительно важная проблема **"ПСЕВДО в языке"** могла бы в некоторой степени воплотиться и лексикографически. Понятия истинный/ложный, настоящий/ненастоящий, натуральный/эрзацный, оригинальный/поддельный и т.п. должны бы во всей их противоречивости найти себе место в словарях особого профиля. При этом

возникнет немало сомнений: относятся ли сюда некачественность (*полунаука, халтурщик, брак*), иррегуляризация когипонимов (*мачеха, пасынок, сводный брат, усыновленные дети*), наигранные манерные замены нейтрального (*отдыхать* вм. *спать, супруга* вм. *жена, кушать* вм. *есть, обожать* вм. *очень нравиться*), псевдотермины и излишние, неоправданные, выпендренные переименования, последствия ошибок названий (*ложный круп, rohinia pseudoacacia, летучая мышшь, морской конек*)? В этой связи следует различать объективную (референтную) "ненастоящность" и результаты "номинативной импотенции", т.е. неумение должным образом назвать вещь или явление и обращение к имени, уже занятому, применяемому к другому денотату. Это особенно типично для биологических понятий (в медицине, флоре и фауне) – см. [Ефимова 1997]. Ложные ужи или ложные лисички и т.п. – автономные создания природы, ничем не более фальшивы, чем другие змеи и грибы, и они "не виноваты", если у неизобретательных людей не нашлось фантазии назвать их получше. Псевдозаимствования (*Dressmann, Showmaster, Handy* и т.п.) возникли на немецкой почве, этих слов нет в английском языке. Их немного и на целый словарь не хватит, однако их следует в более обширном словаре подать так, чтобы они не прошли незамеченными.

Хорошие (достаточно полные) двуязычные словари уже являются в известной степени параллельными для так называемых "**ЛОЖНЫХ ДРУЗЕЙ** переводчиков", однако был бы не лишним специальный словарь псевдопараллелей не заимствований и интернационализмов (по примеру К. Готлиба), а слов исконных (автохтонных). Ср.: *umständlich* – копуша, *обстоятельный* – дотошный; *Grütze im Kopf* – сообразительность, *каша в голове* – путаница; *aus der Haut fahren* – разозлиться, *лезть из кожи вон* – стараться; *Muttersprache* – родной язык, *матерный* – нецензурный или псевдопараллели типа: *машинист* – *машинистка*, *ворон* – *ворона*.

Нет словарей сопоставления **ДЕОНИМИЗАЦИИ** в немецком и русском языке, хотя есть словари Н.П. Колесникова [Колесников 1995]; А.Е. Бижкеновой [Бижкенова 1990]; И.Н. Заверюхи [Заверюха 2000].

Из области лексической **парадигматики** следует отметить отсутствие таких словарей, как:

Словари **ГРАДУАЛЬНЫХ РЯДОВ**;

Словари **ЭВФЕМИЗМОВ** (ср. англ. словарь Р.В. Холдер [Holder 1995]);

Словари **ПЕЙОРАТИВОВ** (хотя этот пробел в значительной степени восполнен серией словарей бранной лексики);

Словари **ЗАМКНУТЫХ МНОЖЕСТВ** (месяцы года, дни недели, фигуры шахмат, шашек, футбольная команда, игральные карты и т.п.);

Словари **ВАРИАНТОВ** (монография Г. Мутмана [Muthmann 1994] покрывает эту лакуну для немецкого языка). Немецкий словарь **ОМОГРАФОВ** есть [Weber 1996], русского – нет, русские **ОМОНИМЫ** обобщены в специальных словарях, немецкие – нет. Ни для немецкого, ни для русского языков нет словарей **ГИПЕРОНИМОВ** и **ГИПОНИМОВ**, словарей **ПАРТОНИМОВ**¹, словарей **ПАРОНИМИЧЕСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ** ("народной этимологии"), **ПАРОНОМАЗИИ**², **КАЛАМБУРОВ**.

Целесообразность словаря паронимазии подтверждена инициативой Б.Ю. Нормана [Норман 1987: 207–221]. Паронимические этимологии далеко не всегда учитываются толковыми словарями. Чтобы привлечь к ним внимание, было бы желательно составить из них специальный словарь (*türmen* не от *Turm*, *hantieren* не от *Hand*, *Laube* не от *Laub*, русск. *мусор* – милиционер, *лимон* – миллион).

Языковой **юмор** ситуативен и по всему своему существу не подходит для лексикографирования. Однако фондовые шуточные номинации (*кабысдох, от горшка два*

¹ Партонимы – слова, обозначающие часть целого.

² Паронимазия – стилистический прием столкновения слов, имеющих сходство звучания.

вершка, сверху шелк – внутри шелк, метр с кепкой и т.п.), обычно сопровождаемые пометой *шутл.*, поддаются выделению в особый словарь, что было подтверждено на немецком материале [Скиба 1997].

Нет словаря **ИРОНИЗМОВ**, многие из которых гораздо распространеннее, чем это принято полагать. Взять к примеру характерологическую лексику (ты у нас *самый умный*, такой *сообразительный*, *аккуратный*, *пунктуальный*, *отзывчивый*, *самоотверженный*, *вежливый* и т.п. в противоположном смысле).

Русский язык значительно **эмоциональнее** немецкого и еще больше – английского. Это исключительно важное свойство русской лексики и идиоматичного синтаксиса обязательно следовало бы отразить в специальных словарях.

Нужны были бы словари аллюзий, **ОБРАЗОВ** (не только фразеологических), эпитетов (для русского языка он уже осуществлен – [Горбачевич, Хабло 1979]; ср. [Сл. образн. выражений... 1995; Павлович 1995], уже упоминавшийся Х.П. Бруггер [Brugger 1993]). Нет словарей фразеологизмов, лишенных образности.

При очень разветвленной системе фразеологических словарей нет словарей ситуативно обусловленных **РЕАГИРУЮЩИХ ФРАЗ**, прибауток, иногда пошловатых, довольно прочно удерживающихся в речи: Люблю повеселиться, особенно поесть // Бывают в жизни огорченья – хлеба нет, так ешь печенье // Не дрова везешь! – критическое замечание неосторожному водителю // Мало каши ел! // С лица не воду пить // Народу, что людей! *Нем.* Du hast mir gerade noch in meiner Käfersammlung gefehlt! // «"Ein schöner Tag. Wollen wir nicht fischen gehen?" sagte der Angler zum Wurm» (В. Brecht). Обыгрывание банальностей, переименование и контаминация пословиц создают богатую почву для речевого озорства (ср.: [Mieder 1985; Sprichwörter zum Selberbasteln 1995]). Изощрения языка рекламы в значительной своей массе остаются не охваченными словарями. Ср., например, агитацию предпечения воздушного транспорта в виде плакатов на трамвайных остановках Потсдама в 1999 г.: Wenn Has und Häsın Hochzeit feiern, flieg günstig in den Freistaat Bayern! Hin- und Rückflug für 238 DM. Есть попытки придать собраниям шуток и анекдотов вид словаря. Только это довольно далеко уводит от данного профиля – словник может состоять в таком случае из слов-топиков (тем остроут), и считать это словарем уже едва ли возможно (ср. [Koch et al. 1997; Valence 1990]).

Словари **ПЕРИФРАЗ** пока немногочисленны (ср. [Новиков 1999; Opprower, Curlis 1984]), и в этом направлении можно многое сделать: см. соответствующую теорию [Wirth 1996; Розанова 1973]. Например, города, достопримечательности, театры, музеи, памятники, площади, улицы, знаменитые здания, парки, сады, тюрьмы, психиатрические больницы, известные ученые, писатели, деятели культуры, национальности и народности имеют шутливые названия, прозвища, замены разного характера – *город Петра, Северная Пальмира*; тюрьмы – *Кресты* (СПб.), *Бутырки, Таганка* (Москва); *"Птичка"* (рынок животных в Москве); *Канатчикова дача* (сумасшедший дом в старой Москве); *Elbflorenz* (Дрезден); *Kreml* (здание СЕПГ в Потсдаме во времена ГДР); *Kudamm* (Kurfürstendamm); *Alex* (Alexanderplatz); *Krautfresser* – презрит. о русском, *der Iwan* – русский (солдат) и т.п.

Нет словарей отдельных **СТИЛИСТИЧЕСКИХ** пластов: поэтизм, возвышенной и торжественной лексики, книжно-письменной (bildungssprachlich), манерной (gespreizt) или сопоставленности разных слоев (например, официального, высокого, разговорного, фамильярного и сильно сниженного: *Antlitz – Gesicht – Visage, Gemach – Raum – Bude – "Stall"*), как это предложили Л.Н. Дзекиревская и Е.Ф. Тарасов [Дзекиревская, Тарасов, 1970]. Приятным исключением является словарь возвышенной лексики немецкого языка А.П. Ялышевой [Ялышева 1994]. Трехслойная медицинская лексика (латинский термин, его немецкое стилистически нейтральное соответствие и принятое в народной медицине или обиходном языке название), например, могла бы дать интересный материал терминов и профлексии, с подключением жаргонизмов, в их сопоставлении.

Трагично отсутствие русского **РАЗГОВОРНОГО** словаря. Опыт составления русско-немецкого разговорного словаря З. Кёстер и Е. Ром (Мюнхен, 1985) оказался неудачным³. Пока появились только словари субстандартизмов самого глубокого "дна" русской лексики.

Хотя **СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ** словари представлены как для немецкого, так и для русского языка, достаточно разнообразно, можно все-таки отметить отсутствие словарей словообразовательных элементов для разных стилистических регистров, для отдельных частей речи, для отдельных отраслей знания (например, медицинских, химических, технических), для отдельных словообразовательных моделей, например, лексикон диминутивов или слов с приставкой *ver-*, или с суффиксом *-ка* и т.п.⁴. Словари стилистической окраски морфем, их этимологии, полисемии, словари уникальных морфем, идиоматических производных, разнообразных композитов, "обратного" словообразования (при котором морфологически более простые формы оказываются производными от более сложных: *дояр* < *доярка*; *зон* < *зонтик*; нем. *Sanftmut* < *sanftmütig*), конверсий (субстантиваций, вербализаций, адвербиализаций) и т.п.

Серьезным тормозом в создании словарей оказываются всевозможные промежуточные категории. В их числе трудность решения, отнести ли уменьшительные образования к словообразованию или к словоизменению. Например, парадоксом диминутивов (см. [Девкин 1992]) можно считать употребление в разговорной речи слов точно отмеренного количества в уменьшительной форме: *годик*, *часик*, *неделька*, *килограммчик*, *сантиметрик* и т.п. Имеют ли они право на словарное существование? Несмотря на бесспорную продуктивность и регулярность словообразовательной модели, они слишком ситуативны в своем конкретном проявлении и связаны с определенной социальной средой, скованы в своем распространении. Пока этот вопрос остается открытым.

По ходу изложения было видно, что недоделки лексикографии в одних случаях вызывались рутинностью и шаблонностью, отсутствием должного мастерства лексиконопроизводства, а с другой, спецификой и подчас просто сопротивлением самого лексического материала. Многие оттенки полифункциональности диминутивов почти невозможно воспроизвести в словаре. Возьмем для примера слово *студентик*: Лифт не работает, бедные *студентики* своим ходом поднимаются на 16-й этаж // Я скоро освобожусь – три *студентика* осталось проэкзаменовать // Какой-то там *студентик* с первого курса будет нас учить, как лабораторную работу проводить нужно! Сочувствие, преумножение количества, пренебрежение возникают в определенных коммуникативных условиях, предусмотреть которые в рамках словарной статьи затруднительно. К тому же зачастую оказывающаяся окказиональной сама уменьшительная форма вызывает сомнение: стоит ли ее помещать в словник? Когда уменьшительность усиливает степень признака (человек он *поганенький*) или снижает степень обидности (*косонький*, *хроменькая*, *рыженькая*), диминутивность обычно остается за бортом словаря. Не случайно, что словари ограничиваются упоминанием возможной диминутивной формы без какой бы то ни было семантической характеристики. Не фиксируются в словарях диминутивы экстраординарности: *das war ein Donnerchen!*; *nein, diese Kürvchen!* (im Hochgebirge); *голосок!!!* (зычный); ничего себе *подачка!* (подача мяча)!

Ставшее сейчас обычным невнимание к **ИСТОРИИ** языка не могло не сказаться на лексикографии – исторические словари оказались отодвинутыми на задний план.

Для русского языка, например, нет специальных словарей заимствований, составленных по **языку источника**, как это имеет место для немецкого языка.

³ Рецензию см. в сборнике "Вопросы функциональной лексикологии". МГПИ им. Ленина. М., 1987.

⁴ Как ни странно, даже некоторые дериватологи не видят необходимости фиксации максимально полного комплекта производных каждого словообразовательного образца.

Ни для русского, ни для немецкого языка нет словарей **ОБРАТНЫХ ЗАЙМСТВОВАНИЙ**. Это явление, когда слово заимствуется в другой язык, там преобразуется и в измененном виде возвращается на родину. Например, *быстро* стало во Франции обозначать закусочную, буфет (*bistro*) и в этом значении снова попало в Россию, пополнив гипонимический ряд: *закусочная, забегаловка, ресторанчик* и т.п.

В сложном процессе модернизации языка важно установить слои неологизмов, обозначающих новые явления и переименовывающих известные, старые (ср. [Wehler 1975; Zimmer 1998; Hellmann 1992]). Очень необходим словарь **МОДНЫХ** слов. Только при замедленном изготовлении словарей есть опасение, что он выйдет, когда его материал уже в какой-то степени устареет (ср. [Hox 1994/1995; Lockart 1998]). Нет словаря **УСТАРЕВАЮЩИХ** слов (не архаизмов, а слов вышедших и выходящих(!) из активного употребления).

При общем катастрофическом падении духовной культуры было бы отнюдь не лишне посвятить словари таким темам, как "Активизация уголовной лексики в языке" (так называемой "дезарготизации" и "нейтрализации сниженности"). Если воровской, тюремной и даже обценной лексике в последние годы были посвящены многие словари, то ее роль в языке обыденном, общем, далеком от условий преступного мира, выявлена (и особенно словарно) пока недостаточно.

В исследовании русского языка существует давняя, ведущая свое начало еще от В.И. Даля и А.А. Шахматова традиция уважительного отношения к языку, создаваемому народом. М.И. Глинка говорил о музыке, что ее творит народ, а композиторы ее только аранжируют. Это безусловно правильно. Когда же, однако, дескриптивная лингвистика уходит от каких бы то ни было оценок и критики положения в языке, перекладывая заботу о норме на специальную отрасль – культуру речи, это трудно принять. Идеи совершенства и чистоты языка должны, по нашему убеждению, пронизывать любое описание его строя. В этой связи нельзя не выразить несогласия с господствующей в русистике позицией толерантности по отношению к сниженности лексики. Не умея бороться со злом (это при современных средствах массовой коммуникации!), теоретики спокойно устраниются, считают неправильной нормализаторскую позицию и предпочитают просто инвентаризировать стихийно возникшие "номинативные безобразия" [ср. коллективную монографию о русском языке конца XX столетия (1985–1995) – отв. ред. Е.А. Земская, М., (1996); Большой толковый словарь русского языка – гл. ред. С.А. Кузнецов, СПб. (1998)].

Ортологический (нормативный) аспект довольно полно представлен серией словарей трудностей, культуры речи, спорных и сомнительных вариантов употреблений (например, Дуден 9). Особенно в интересах культуры речи был бы необходим словарь введения в узус того, что прежде считалось **ошибкой**, к примеру, такого порядка, как мода *двадцатых* (годов), *чувствовать* (себя) хорошо; большинство *ушли*; в Одиноково; из Орехово-Зуево; *попасть как кур во щи* (в оцин.); *unter aller Kanone* (Sub omni sapone); снятие табуированности сильно сниженных слов (*мандраж, бардак* – беспорядок, "*блин!*").

В реальной речи, как известно, звуковой облик слова сильно преобразуется – происходят разного рода редукции, стяжения, всякие деформации. Представляется целесообразным составить словари разговорно звучащих слов (словоформ) хотя бы для самых типичных и частотных случаев.

Русск.	Нем.
<i>столько</i> – <i>стока</i>	<i>haben</i> – <i>ham</i>
<i>сколько</i> – <i>скока</i>	<i>glauben</i> – <i>glau</i> m
<i>где</i> – <i>де</i>	<i>herauf</i> – <i>rauf</i>
<i>говорит</i> – <i>грит</i>	<i>ist</i> – <i>is</i>
<i>человек</i> – <i>чэк</i>	<i>guten Tag</i> – <i>ntak</i>
<i>вообще</i> – <i>ваще</i>	<i>Entschuldigung</i> – <i>tschulgn</i>

Павловна – Пална
хорошо – хашо
кажется – каэца

hast du? – haste?
mit dem – mim

К этому присоединяются другие речевые отступления от эталона: замены долгого гласного кратким (*Glas, Zug, grob, Betrug, Rad*), французского *ж* – *sch*, назализованных гласных – *ng* и т.д. Предложение втиснуть в словарь то, о чем писали С.М. Гайдучик [Гайдучик 1973], В.В. Лашкова [Лашкова 1989], Г.А. Баринова [Баринова 1973], Л.В. Златоустова [Златоустова 1962] и др., может показаться крамольным, поскольку речевые модификации фонетической формы очень разнообразны и мало подходят для лексикографирования. Тем не менее, самое важное для расшифровки слушателем (особенно иностранцем) можно было бы подготовить и подать должным образом в словаре.

В Институте немецкого языка (Маннгейм, ФРГ) трудятся над созданием словарей **НЕОЛОГИЗМОВ** (Д. Херберг, М. Хеллман, Г. Харрас, У. Хаас, Г. Штраусс и др.). Ср. также *Trendwörter* М. Хоркса 1995; Словари новых слов русского языка (1950–1980) (ред. Н.З. Котелова, 1995); Толковый словарь русского языка конца XX в. (ред. Г.Н. Складарская, 1998) и ряд др. менее известных словарей. Несмотря на их весьма внушительный, объемный материал, они все еще далеки от комплексной фиксации лексических новшеств последних лет. Новые слова приходят в язык 1) вместе с новыми вещами и понятиями и 2) как **переименования** уже известного, существующего. Как ни странно, очень важной проблеме обновления названия старого денотата не уделяется должного внимания ни в словарях, ни в теории.

Еще одно положение уже почти из области фантастики – словари **"НЕСУЩЕСТВУЮЩИХ СЛОВ"**, вернее, вполне сложившихся, важных понятий, для которых пока нет простых номинаций. Язык – гибкое устройство. Описательно, средствами словосочетаний, перифраз и даже пространного описания всегда можно для выражения мысли выйти из положения, однако компактная, практичная номинация куда как удобнее, если она не грешит против точности. Ср. трудности в других языках по подбору соответствий русским словам: *сутки, кипяток, родной*, или нем.: *Lokal, ausgehen, Verein, Handwerker*, которые не имеют прямых параллелей в русском языке.

Примеры компенсации безэквивалентности, вокруг которой вращается все переводоведение, конечно, содержатся в хороших двуязычных словарях, но обобщение их приемов в лексикографической презентации было бы в практическом отношении очень полезно.

В статье В.Д. Девкина «О "несерьезных" словарях» [Девкин 1999] между прочим содержится материал, дающий пищу для поиска не осуществленных в русской лексикографии словарей по примеру немецких.

В связи с поставленной темой возникает вопрос незаслуженного забвения малоизвестных, локальных изданий словарей, а также словарных приложений к диссертациям, не имеющих выхода в широкую аудиторию.

Затронутая здесь проблематика безбрежна и никак не претендует на полноту, но если она будет содействовать расширению ассортимента словарей, автор сочтет свою задачу выполненной. Предложенная добрая сотня типов новых словарей могла бы быть значительно расширена. Работы преданным словарному делу труженикам больше, чем достаточно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишина А.А. и др. 1991 – Акишина А.А., Кано Х., Акишина Т.Е. Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. М., 1991.
Александров Н.М. и др. 1966 – Александров Н.М., Каплан А.Л., Орловская Т.И., Путилина Г.Н. Лексика немецкого языка (по общественно-политическим и бытовым темам). Пособие для студентов пед. инст. М.; Л., 1966.
Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. 1991 – Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.

- Барина Г.А. 1973 – Фонетика // Русская разговорная речь / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 1973.
- Биженкова А.Е. 1990 – Имена собственные, перешедшие в нарицательные слова в современном немецком языке. Целиноград, 1990.
- Братусь Б.В. и др. 1979 – Братусь Б.В., Братусь И.Б., Данциг Е.А., Матвеева В.М., Тимина С.И., Эйнтрей Г.И. Словосочетания русского языка. Учебн. словарь для говорящих на немецком языке. М., 1979.
- Волина В.В. 1996 – Откуда пришли слова. Занимательный этимологический словарь. М., 1996.
- Воробьев Ю.А. 1994 – Лексика немецкого языка в культурологическом аспекте (опыт лексикологического описания на материале тематической группы "Пища"): Дис. канд. филол. наук. М., 1994.
- Гайдучик С.М. 1973 – Фоностилистический аспект устной речи: Дис. ... док. филол. наук. Л., 1973.
- Гак В.Г. 1998 – Языковые преобразования. М., 1998.
- Горбачевич К.С., Хабло Е.П. 1979 – Словарь эпитетов русского литературного языка. М., 1979.
- Девкин В.Д. 1992 – Курьезы диминутивов // Сб. "Лексика и лексикография". Вып. 3. М., 1992.
- Девкин В.Д. 1999 – О "несерьезных" словарях // Сб. "Лексика и лексикография". Вып. 10. М., 1999.
- Дзекиревская Л.Н., Тарасов Е.Ф. 1970 – Словарь семантико-экспрессивных стилистических синонимов современного немецкого языка / Ред. Г.М. Стрелковский. М., ВИИЯ, 1970.
- Ефимова О.С. 1997 – Явление "ПСЕВДО" в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.
- Заверюха И.Н. 2000 – Имена собственные в немецкой разговорной речи: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.
- Златоустова Л.В. 1962 – Структура слова в потоке речи. Казань, 1962.
- Зубарев Г.П. 1978 – Метонимические отношения в лексике современного немецкого языка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.
- Киселева К., Пайар Д. (ред.). 1998 – Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М., 1998.
- Киселева Н.М. 1997 – Метафоры современной немецкой разговорной речи: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.
- Колесников Н.П. 1995 – Словарь имен нарицательных, образованных от имен собственных // Введенская Л.А., Колесников Н.П. От названий к именам. Ростов-на-Дону, 1995.
- Копорская Е.С. 1995 – Семантическая природа звукоподражательных слов и их словарное представление // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения акад. В.В. Виноградова). М., 1995.
- Лащикова В.В. 1989 – Редукция и стяжение звуков в немецкой разговорной речи. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
- Маковский М.М. 1996 – Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов. М., 1996.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. 1998 – Толковый словарь языка совдепии. СПб., 1998.
- Новиков А.Б. 1999 – Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики). М., 1999.
- Норман Б.Ю. 1987 – Язык: знакомый незнакомец. Минск, 1987.
- Павлович Н.В. 1995 – Словарь поэтических образов: В 2-х томах. М., 1999.
- Розанова Г.З. 1973 – Перифраз в прессе ГДР и ФРГ и его функционирование: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.
- Санников В.З. 1999 – Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
- Скиба Я.В. 1997 – Отражение комизма слова в словарях немецкого языка (на материале имени существительного): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.
- Словарь новых слов русского языка (1950–1980) / Ред. Н.З. Котелова. СПб., 1995.
- Сл. образн. выражений... 1995 – Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В.Н. Телия. М., 1995.
- Сл. структ. слов 1997 – Словарь структурных слов / Под ред. проф. В.В. Морковкина. М., 1997.
- Толковый словарь русского языка конца XX в. 1998 / Гл. ред. Г.Н. Складерская. СПб., 1998.

- Учебн. словарь сочет. слов русск. яз. 1978 / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М., 1978.
- Шведова Н.Ю. (Ред.). 1999 – Русский семантический словарь: В 6-ти томах. Т. I. М., 1999.
- Ялышева А.П. 1994 – Лексика высокого стилистического слоя в современном немецком языке. Словарь. Саранск, 1994.
- Agricola E. 1992 – Wörter und Wendugen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. 14. Aufl. Dudenverlag, 1992.
- Brugger H.P. 1993 – Der treffende Vergleich. Basel, 1993.
- Buscha J. 1989 – Lexikon deutscher Konjunktionen. Leipzig, 1989.
- Friedrichs G. 1989 – Hätten Sie's gewusst? München, 1989.
- Grimm H.J. 1987 – Lexikon zum Artikelgebrauch. Leipzig, 1987.
- Helbig G. 1988 – Lexikon deutscher Modalwörter. Leipzig, 1988.
- Helbig G., Helbig A. 1990 – Lexikon deutscher Modalwörter. Leipzig, 1990.
- Helbig G., Schenkel W. 1973 – Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. Leipzig, 1973.
- Hellmann M.W. 1992 – Wörter und Wortgebrauch in Ost und West. Tübingen, 1992. Bd. I–III.
- Holder R.W. 1995 – A Dictionary of Euphemisms. Oxford, 1995.
- Horx M. 1994/1995 – Trendwörter von Acid bis Zippies. Düsseldorf, 1994/1995.
- Koch P. et al. 1997 – Koch P., Krefeld Th., Oesterreicher W. Neues aus Sankt Eiermark. Das kleine Buch der Sprachwitze. München, 1997.
- Koerfer A. 1994 – Institutionelle Kommunikation. Opladen, 1994.
- Küpper H. 1987 – Deutsch zum Anfassen. Moderne Redewendungen von "Abseilen" bis "Zoff". Wiesbaden, 1987.
- Lockart S. 1998 – Das neue Trendlexikon. Das Buch der neuen Wörter. Bertelsmann, 1998.
- Lodige H. 1998 – Ketchup, Jeans und Haribo. Die besten Rätsel unserer Sprache. Ullstein, 1998.
- Mater E. 1966–1972 – Deutsche Verben. Leipzig, 10 Lieferungen, 1966–1972.
- Mieder W. 1985 – Antisprichwörter // Gesellschaft für dt. Sprache. Wiesbaden, Bd. III. 1985.
- Muthmann G. 1994 – Doppelformen in der deutschen Sprache der Gegenwart // RGL. 145. Tübingen, 1994.
- Opprower R., Curlis P. 1984 – Im Spitznamen des Volkes. Berliner Bauten mit Spreewasser getauft. Berlin, 1984.
- Ripfel M. 1989 – Wörterbuchkritik. Lexicographica. Ser. Major 29. Niemeyer, 1989.
- Schröder I. 1986 – Lexikon deutscher Präpositionen. Leipzig, 1986.
- Schwarz A.A., Schweppe R.P. 1998 – Das Lexikon der Körpersprache. Rastatt, 1998.
- Sommerfeldt K.-E., Schreiber H. 1974 – Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Adjektive. Leipzig, 1974.
- Sommerfeldt K.-E., Schreiber H. 1977 – Wörterbuch der Valenz und Distribution der Substantive. Leipzig, 1977.
- Sprichwörter zum Selberbasteln 1995 – Morgenstund ist aller Laster Anfang. Sprichwörter zum Selberbasteln / Zusammengetragen von G. Lux. Berlin. Eulenspiegel, 1995.
- Stiberc A. 1999 – Sauerkraut, Weltschmerz, Kindergarten u.Co. Herder, Spektrum, 1999.
- Tannen D. 1994–1996 – Andere Worte, andere Welten. Kommunikation zwischen Frauen und Männern, Campus Verlag. 1994–1996.
- Valence T. 1990 – Noch mehr Witze. Weitere 3x1000 Sachen zum Lachen & Weiterzählen. München, 1990.
- Vasilyeva A.N. 1972 – Particles in colloquial Russian. Moscow, 1972.
- Weber H.J., 1996 – Homographen-Wörterbuch der deutschen Sprache. de Gruyter, 1996.
- Wehler H.U. 1975 – Modernisierungstheorie und Geschichte. Göttingen, 1975.
- Weigel H. 1976 – Die Leiden der jungen Wörter. München, 1976.
- Wiegand H. 1998 – Wörterbuchforschung: I. Teilband – Untersuchungen zur Wörterbuchbenutzung, zur Theorie, Geschichte, Kritik und Automatisierung der Lexikographie. de Gruyter, 1998.
- Wirth D. 1996 – Paraphrase. Linguistische Arbeiten 354. 1996.
- Wörterbücher 1989–1991 – Ein internationales Handbuch zur Lexikographie: HSK (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft) Bd. 5/1; 5/2; 5/3 / Hrsg. F.J. Hausmann u.a. de Gruyter. 1989–1991.
- Zimmer D.E. 1998 – Deutsch und anders – die Sprache im Modernisierungsfieber. Hamburg, 1998.